Пролог

Ардейл, замок Ланидиров

Муж смотрел на нее сверху вниз.

Холодно, надменно. Сейчас он мог так смотреть.

Он получил все, что хотел. Растоптал всех, кто стоял у него на пути, сломал все преграды и торжествовал.

Он — победил. Это конец?

Во рту стало горько, начало подташнивать. Далина отвела глаза в сторону. Не видеть этого самодовольного лица. Собраться, взять себя в руки, приготовиться. Она знала, что будет дальше. Но она еще могла бороться! Ее война еще не проиграна!

Муж произнес:

— Что ж, сын у меня есть. Ты мне теперь не нужна. А потому, дорогая, ничего личного. Наш договор — твой приговор.

И улыбнулся.

Как же, Клаус пошутил! Только вот Далина не из тех, кто будет заливаться идиотским смехом. И за это он ее тоже ненавидел. Люто, искренне… Это у них взаимно. Даже странно, что такое чудо, как сын, появилось на свет не от любви, а от ненависти.

Далина смотрела на мужа в упор. Она уже собралась, взяла себя в руки. Сейчас ей нельзя волноваться, сейчас последует рывок…

— Когда?

— Приговор будет приведен в исполнение немедленно. К чему ждать?

Далина знала, почему так.

Здесь и сейчас она была слаба. После родов прошло буквально несколько дней, она не успела восстановиться, даже зубы пока еще как у людей, а не как у драконов. Сейчас ее форма была ближе всего к человеческой. Она еще ничего не могла, вообще ничего…

Не должна. Но есть вещи, которые зависят не от силы дракона, а от его крови. «Так соберись, Далия, он ничего не должен заподозрить».

— Подонок.

— Да, дорогая моя.

Он победил. И сейчас куражится. Что ж, горе побежденным, не так ли? Но кто тут побежден?

— Последнее желание просить будешь?

Далина улыбнулась и кивнула:

— Буду, конечно. Даже не сомневайся.

Клаус поморщился, но традиции… Да ладно, какие традиции! Он просто хотел поглумиться напоследок, и сейчас это играло против него.

Последнее желание.

Пыльные книги в библиотеке.

Старое знание. Такое старое, что даже не все алые его помнили. Может, только самые мудрые, или книжники, или… Да неважно! У черных этого знания нет, оно и среди алых-то как сказка. Такого ведь не может быть! Это слишком невероятно, чтобы быть правдой! О таком и детям-то не рассказывают!

Оно — есть.

Но те, кто своей жизнью платит за чудо, предпочитают об этом не рассказывать. Они не обманывают смерть, они предлагают сделку, но выбирает и выигрывает в ней — всегда! — смерть.

— Дай мне попрощаться с сыном.

— Если ты думаешь причинить ему вред…

Далина покачала головой.

— Это — *мой* сын!

Муж смотрел с подозрением, но… что он может сделать? Слово сказано, сейчас уже и он не сможет отступить.

— Если что-то устроишь — подыхать будешь долго.

Далина молча кивнула.

— Принесите колыбель.

Уединения не будет.

Что ж, так тоже можно.

Колыбель — настоящее произведение искусства. Ничего общего с той старенькой, родовой, в которую укладывали всех Ланидиров. Та деревянная, украшенная простенькими завитушками, зато была вырезана из ясеня, и дети, которые в ней спали, никогда не болели, и кошмары им не снились, а эта… даром что вся покрыта золотом, Далина от нее ничего не чувствовала.

Просто колыбель.

Красивая. Раззолоченная. Никакая.

Это пока неважно. Далина поговорила, с кем смогла. Конечно, она не могла сказать прямо и правду, но позаботилась о другом. Дубдраган… ах, такой Дуб! Идеальный воин, но были вещи, в которых он просто не разбирался. И не надо ему.

Главное, чтобы все было сделано как надо, пока ее не будет рядом с сыном.

И тонкая рука мягко коснулась пушка на голове малыша.

— Детка моя. Леонидас.

— Его зовут Карл!

Муж вмешался не ко времени, Далина посмотрела на него с отвращением.

И ведь кому-то такое нравится. Высокий, красивый, сильный, глава рода, и… И плевать на все!

— Леонидас, — тихо позвала она сына.

Малыш открыл глазенки.

Красно-коричневые, как и у нее. В нем не было ничего от отца. Может быть, пушок на голове, черный, но и он потом может покраснеть. Это не так важно сейчас.

Ничего не важно.

У детей два самых выраженных рефлекса — сосательный и хватательный. И что удивительного, если малыш схватил мамин палец, потянул его в рот?

Ничего.

Капелька крови скатилась по крохотному язычку.

Невесомая.

Незаметная.

Но почему-то Далине показалось, что эта капля сейчас светится алым светом. Она поцеловала сына в лоб и встала.

Муж достал свой клинок. Палача приглашать не будут?

Впрочем, крови он не боялся, он уже это доказал.

А потом женщина почувствовала холод. Ледяной пронзительный холод. И, видя, что из ее груди выдвигается окровавленное лезвие клинка, осела куда-то в свет. Золотистый слепящий свет.

Клаус торжествующе посмотрел на труп. Ну, кто тут главный?

Все, больше ты не улыбаешься.

А на коже женщины, на груди, над сердцем, там, куда пришелся удар клинка, медленно выцветали руны.

Тело погибло.

Жертва принята.

Смерть ответила.

Глава 1

Россия, наши дни

Душа неслась сквозь пространство и время.

Летела — куда? Она пока и сама не знала, она отчаянно искала зацепку.

Нечто такое, что позволило бы ей остаться, не уходить… Нет, якорь у нее был, но нужна была и пристань. Оболочка, которую

Клаус торжествующе посмотрел на труп.
Ну, кто тут главный?
Все, больше ты не улыбаешься.

ей позволят занять. И почему-то душу не устраивала мертвая кошка под забором, ей не нравилась убитая свинья… Что она искала?

Кто знает... Просто свет должен стать ярче, он должен поглотить душу, пока тоненькая алая ниточка, которая еще ее удерживает, не порвется со звонким хлопком, и ее уже не будет, ничего не будет…

Где же ты?

Где найти человека, который находится в таком же отчаянии? Который готов платить — всем? Душа держалась, искала, отчаянно звала, впивалась в пространство всеми щупальцами… Ей нельзя, никак нельзя уходить. Слышите, предки, она борется, она не сдается!

Крик о помощи раздался внезапно.

«Только спаси!!! Спаси, сохрани, помоги… все отдам!!!»

Так не кричат по пустякам. Это был крик последней надежды, когда нет ни сил, ни возможностей, ничего нет, только одно громадное всепоглощающее отчаяние, когда даже умереть не хватает сил… ты права не имеешь умирать, потому что — *ноша*!

И она для тебя непосильна…

И душа рванулась на этот крик, рванулась так отчаянно, что даже золотое сияние отстало, чуть разжав щупальца. Дало ей возможность подхватить что-то бесцветное, совсем прозрачное… такое отчаянное!

— Ты… поможешь?

— Да. Я принимаю твои долги и твою дорогу.

И прозрачное нечто с легким вздохом взмыло в небеса. И уже это самое нечто пронзили золотистые лучики света и тепла, обволокли солнечным медом, подхватили, качнули на ласковых руках… У каждого своя ноша? И дается каждому крест по силе?

А если судьба не рассчитает?

Если сломается под этой тяжестью человек и рухнет в грязь, не в силах подняться, — добивайте! И будут добивать.

Кто пожалеет тебя там — в грязи, под крестом?

Были такие? Пусть. Но что они изменили для распятого?

Так-то…

Болело все, и рвалось что-то в груди, и эта боль была такая огромная, что ее даже вместить было нельзя. Легкое тело с отчаянным хрипом выгнулось на полу. Попыталось втолкнуть в легкие хоть частичку воздуха, хоть кусочек. Это не удалось, и сердце перестало биться на несколько минут, а потом… потом ее догнал самый крохотный и тоненький золотистый лучик.

Мама!

Женщина на полу снова выгнулась, цепляясь ободранными в кровь пальцами за грязные доски, закричала от отчаянной боли…

И открыла глаза.

— Хвостом!

Это первое и единственное, что удалось сказать Далине. Потом она отчаянно рухнула назад, на грязный пол… Кажется, от него еще плесенью пованивало… А, нет. Это просто доски такие.

Старые, серые… не особо грязные, но, похоже, лежат чуть ли не на земле. Сначала уложены деревянные бревна, на них лаги — и доски сверху. Пространство между землей и досками забили чем-то вроде опилок. Вот они гниют и воняют…

Далина вдохнула.

Выдохнула.

Она жива?

О да! Вполне жива, здорова — это она тоже чувствовала и отлично себя осознавала. А главное — все вспомнила.

Леонидас.

Муж.

Клинок.

Хвостом дракона!

Да, ее убили — там! А потом ее душа оказалась здесь!

Опять накатила боль. Далина заставила себя расслабиться и лежать спокойно, хотя судороги накатывали волнами, скручивали тело в тугую пружину, заставляли выть и корчиться от боли.

Неважно!

Все это сейчас неважно… надо просто перетерпеть. Она может потерпеть боль, она воин! Ей и не такое терпеть приходилось, когда были тренировки! Когда она становилась взрослой, когда вошла в силу, когда приняла вторую ипостась, когда заключила сделку с алтарем… Ты дурак, Клаус! Какой же ты дурак, черный дракон Клаус Дубраган, какой невероятный идиот!

Ты смог временно подчинить себе алых драконов, но ты никогда не сможешь узнать их главную тайну. Никогда…

Далина хрипло хмыкнула. Выдох получился с каким-то свистом, пока еще нездоровый… Ничего страшного!

Драконы!

Испокон веков белые — лекари, черные — воины, синие — водники, зеленые — природники, золотые — с деньгами — лучше всех. А что же алые?

А они просто есть.

Вроде бы слабые, вроде бы не самые богатые и не способные притягивать к себе рудные жилы… они просто есть. И когда Клаус задумал стать повелителем драконов, он решил начать с самых главных. А именно с Ланидиров. Есть род, а есть клан. Клан — алые драконы. Род — Ланидиры. И глава Ланидиров был не только главой рода, но еще и главой клана. Клаус наивно решил, что, уничто-

жив Ланидиров, он подомнет под себя всех остальных. Даже план составил и принялся воплощать его в жизнь.

Наивный.

Алые драконы недаром стояли в стороне, всегда старались жениться внутри своего клана, не лезли в чужие, если что — принимали других драконов к себе, но сами предпочитали из семьи не уходить. Была, была причина.

Еще выдох.

Уже легче, и в груди уже не так печет, и дышать проще…

Далина понимала: ей требуется время, чтобы это тело подстроилось под нее. Или она — под него? Пока второе. Первое позднее, сразу такое не получится. Выдох, еще выдох… и боль постепенно стихает, можно даже рукой шевельнуть, не опасаясь нового приступа. М-да…

Попалось ей тельце! Сдыхоть темная… Рука почти прозрачная, такой не то что клинок, стилет не удержишь; начнешь в кого тыкать, так скорее себе кости переломаешь! Что тут еще хорошего?

Рука, сразу видно, грязная, неухоженная, с мозолями, к труду привыкла, а вот ногти… жуть жуткая! Где обломанные, где обрезанные до живого мяса. Нет, эта женщина за собой не ухаживала вообще. Но судя по состоянию кожи — она молода.

Да?

Надо бы встать и дойти до зеркала… если оно тут имеется. Но пока еще не было сил.

Они так медленно возвращались, так неуверенно… выдох, и еще выдох… какой же сладкий — воздух свободы! И плевать, что пахнет тут плесенью и гнилью, землей и какой-то дешевой сивухой! На все плевать! Она — *жива*!

Она — *свободна*!

— Дашка! Ты как тут?

Дашка?

Это… тело?

Далина скосила глаза в сторону — и выдохнула еще раз, со свистом. Потому что увидела ряд дверей в стене, и из одной, дальней, выглядывал мальчишка лет двенадцати-тринадцати, светловолосый и неожиданно конопатый. И у него на руках был сверток… ребенок?

Леонидас?!

Нет, этого не может быть… но…

Думать мальчишка не заставил. Нырнул обратно, вышел уже без свертка, зато из комнаты послышался пока еще тихий писк, и подошел к Далине.

— Руку давай. Я как увидел этих... Курбаша и других… страшно стало до ужаса. А они тебя… и потом ты упала, и так лежишь…

«Они меня что, изнасиловали?!»

Далина скосила глаза на себя.

Хм… по ощущениям — нет. Конечно, с ее силой это тельце все повреждения зарастит, но на это уйдет время. А еще изнасилование выглядит иначе. Она воин, она знает. Видела.

Кофточка была разорвана, штаны из грубой ткани спущены до колен, трусы… да, наверное, это были трусы, сейчас порваны, но следов насилия все равно не было, только синяки от грубых пальцев. И те скоро пропадут…

Это больше походило на то, что ее, точнее, это тело, пугали, издевались, что-то хотели получить.… И это оказалось последней каплей для той души?

Нет, было что-то еще.

Далина прислушалась к себе. Кровь уверенно бежала по жилам… Ага, вот! Проблема с сердцем, оно просто не выдержало. Для нее-то это не вопрос, лучше прежнего будет, а вот девчонка в этом теле… как ее? Дашика?

Она не выдержала. А уйти почему-то не захотела, не смогла… Далина просто заняла ее место. Ладно, разберемся позже. У нее и так дел по горло, а еще домой бы надо наведаться, за сыном, но это точно потом, потом…

— Встать помоги, — вытолкнула она сквозь стиснутые зубы.

Мальчишка и помог, и подпер, при этом болтал не переставая:

— А я тут Ваську нянчу, а она молчала, и то хорошо, так страшно было, я уж боялся, что запищит, брр!

Понятно, чего боялся: что подонки обратят на него внимание. Сам бы он не отбился. И девушка, наверное, боялась того же. Детский писк становился все громче и громче, мальчишка засопел.

— Может, жрать хочет?

Далина почувствовала, как неприятно тянет грудь. Она что — кормит?

Кажется, да… Кое-как она доползла до комнаты, почти упала рядом с маленьким свертком. Руки сами вспомнили — уверенно подхватили, подняли, приложили к груди, устраивая поудобнее.

— Вот, держи! — Мальчишка сунул ей какую-то тряпку.

Далина кивнула, расправила поудобнее, посмотрела на малышку. Васька… как это полностью?

Она потом узнает. Сейчас это не так важно. Сейчас хорошо бы узнать о себе, о мире, о ситуации. А то попала на свою голову…

А для этой девочки, видимо, все оказалось неподъемно. И малышку она оставить не могла никак… Далина обещала взять на себя ее беды — и она возьмет! И разберется, и разгребет все, и со своими делами справится. Надо только понять, как ее зовут и где она оказалась.

Но для начала следовало покормить малышку.

Девочка насосалась и сыто засопела. Далина устроила ее рядом, на кровати, и попробовала подняться. Вот теперь можно было и одежду в порядок привести, и вообще…

Мальчишка сидел рядом, смотрел в какую-то плоскую штуковину, тыкал в нее пальцем. Та не кусалась, но иногда попискивала — живая? Нет, не похоже…

Видимо, не один раз приходилось при нем ребенка кормить. Ему это уже надоело.

— Поможешь? — спросила Далина.

— Чего помогать?

— Донеси малышку, пожалуйста. Упаду, боюсь…

Комната была небольшая. Две кровати, шкаф, буфет в углу, но ничего детского. А с малышкой было бы, правда?

Значит, Далина жила не здесь. А где?

Мальчишку второй раз просить не пришлось. Поднял девочку, придержал — вполне умело.

— Пошли. Пока твой батя не пришел, а то опять нажратый приползет, поди! Или моя мамашка заявится, орать будут!

Далина кивнула.

Пошли, мальчик. Показывай…

Ее комната оказалась третьей из пяти в ряду. Комната мальчика — пятой.

В ее комнате стояли взрослая кровать, детская кроватка. И — еще одна кровать.

Чья?

Шкаф, стол, кухонный угол. Все обшарпанное, старое, но чистенькое.

И нищета.

Жуткая нищета, сквозящая в каждой треснутой чашке, в каждой дешевой ложке, в каждом колченогом стуле… от хорошей жизни такого в доме не держат. Только когда реально нет денег ни на что. Даже мыло, которое лежало на отдельной полочке, воняло так… да у них в замке поломойкам такого не выдавали, жалели людей!

Дно жизни.

Что ж, это Далину не пугало, возможность заработать она найдет, драконы бедными не бывают. А вот информацию об этом мире хорошо бы получить, да побольше. Кто она, как ее зовут, с кем она живет… да много чего! И вот он — источник информации. Только спрашивать надо аккуратнее, а уж это Далина умела. Она была не обычным солдатом, который только мечом машет, она своим умом и горбом до капитана наемников дослужилась, а это не так просто. Она разберется!

Жаль только, что методы экстренного допроса применять нельзя. А то вышло бы и быстрее, и проще. Ладно, она справится…

Часа через три Далина опять кормила малышку. Сидела, кусала губы, смотрела в стену.

«Даша, Даша, понятно, почему ты сломалась. Неудивительно, что ты умерла. Похоже, сердечко у тебя было слабенькое, а тут еще роды тяжелые, жизнь сложная, подонки разные бродят, руки распускают. Лишние, наверное. И подонки, и руки. Ничего, сейчас я в твоем теле, я малышку в обиду не дам, да и тебя тоже».

Мальчика, кстати, звали Костя. Он и поделился всей историей жизни девушки Даши.

Ничего нового, ничего удивительного. Дарья Валентиновна Петрова, двадцать один год, самая обычная девушка, из рабочей семьи. Разве что родители оба были — Валентин и Валентина. Нашли друг друга. Поженились, комнату в бараке получили от завода, успели еще, а потом началась перестройка. Что это такое?

Далина не очень поняла, вроде как переворот в стране, свержение власти, в общем, ничего хорошего. Костя объяснить толком не мог, да и пусть его. Оно закончилось? Вот и отлично. Главное, сейчас ничего такого нет. Папа Валентин поступил так, как многие в перестройку. То есть запил. Вдохновенно и со вкусом, под девизом: «Все плохо, так хоть я этого видеть не буду».

Кто жил с алкоголиком, тот может понять, что это такое.

И пьяная свинья, которая жрет, орет, храпит, тянет из дома последние деньги, мотает нервы… и беременность, которая, как всегда, не ко времени, но с этим алкашом пропустила Валентина все сроки. А может, и надеялась, что образумится муж, как ребенка увидит.

Ага, размечталась!

Ребенка он увидит и пить перестанет!

Вот если бы он каждый раз видел сковородку, приложенную во многих местах, или чего потяжелее, то шансы, может, и были бы. А дети еще никого и никогда не останавливали, только усугубляли ситуацию.

Кое-как Валентина выживала с маленькой Дашкой на руках. Завод развалился, так она нашла себе подработку, благо на машинке шила хорошо. Вот по утрам шила, по вечерам полы мыла. На продукты хватало, если б еще муж из семьи последние деньги не тянул…

Здоровье у Валентина было богатырское, да и сейчас есть. Не сдох, к сожалению. Нехорошо так о живом человеке?

А о скотине, которая пьет, орет и руку на тебя поднимает?

Костя рассказал, что вот так и Дашиной маме досталось. Дочь-то она прикрыла, а ей этот пьяный внутрях что-то отбил, она стала болеть и два года назад тихонько умерла.

Папаша где?

Да нашел себе какую-то, к ней и съехал. Но может вернуться в любой момент.

Вот откуда вторая кровать. Выгнать его Валентина не могла, что-то там с документами было, Костя тоже не знал, так, обмолвился. Далина подумала, что она потом с этим разберется.

Сама Даша шить не умела. Вот чего не дано, того не дано. Зато могла приготовить такую вкуснятину, что пальчики оближешь. Потому и пошла после девятого класса в кулинарный. Все сытнее будет, да и с учебой у нее не слишком складывалось. Поди, поучись, с алкашом-то под боком?

Понятное дело, научишься. От колотушек уворачиваться, деньги прятать, удара ждать… Только вот ни разу это не математика. И не естественные науки.

Работала Даша в гипермаркете, резала салатики, кое-что домой приносила, им с матерью хватало. До маминой смерти.

Потом все посыпалось.

Даша, пребывая в полном отчаянии после смерти единственного родного человека, сделала самую большую (по мнению Далины) женскую глупость.

Влюбилась.

Росли они с Володей Любавиным в одном дворе. Два барачных дома стояли рядом буквой «Г». Во дворе сараи, туалеты, водопровод из колонки. Хорошо, что были газ и электричество. Барак на шесть квартир, две кухни, комнатушка крохотная, живи и радуйся. Понятно, в советские времена это было временное жилье, ненадолго. Но потом пришла перестройка и стало временное — постоянным.

Однако Далину это не трогало, ей и в худших условиях жить приходилось, хоть она и из Ланидиров. Давно уже забыты те времена, когда у нее были личные покои из восьми комнат, золотые тарелки и четыре перемены блюд. Чаще приходилось довольствоваться палаткой и кашей в котелке на восемь человек. И хорошо, если не пригорела.

Так что — дракон с ним, с жильем. А вот любовь…

Девочке восемнадцать, мальчику двадцать, они друг друга любили, благо, было где — комната у Даши свободна, хоть облюбись… Дальше понятно?

В конце концов мальчик Вова, цитируя Костю, «дурак, которого даже за деньги не выучишь», вылетел из института за постоянные прогулы и пошел в армию. А Даша осталась. «Ты же меня ждать будешь, правда?»

Да, конечно, и ждать будет, и попрощается на дорожку как следует, чтобы мальчику потом месяц ничего не хотелось. О том, что существуют противозачаточные заклинания… ладно, в этом мире что-то другое, девчонка не подумала. Не до того было. Слишком много всего навалилось.

Даша не сразу сообразила, что к чему. А потом живот на нос полез.

Сколько таких доверчивых дурех видела Далина?

Много. «Ой, он обязательно обрадуется нашему малышу или малышке, он меня любит, он вернется, он такой…» Все они поют на один голос!

Размечталась!

У Вовы была еще и мама. Нина Викторовна. И вот эта мама свято была уверена, что Вовочка *достоин*!

Чего именно? Да кто ж ее знает? Для мамы Даша была «неподходящей партией», а Вовочка заслуживал лучшего. Самого лучшего! Какой-нибудь умной, красивой, образованной и состоятельной девушки из хорошей семьи. А Дашка? Это так… мальчику же надо. Как раньше аристократы служанок брюхатили, так и Нина Викторовна рассматривала Дашу исключительно в роли секс-куклы для своего сыночка. Поигрались, и хватит! А в жены нам прынцесса нужна! Нет — королевна! И тут оказывается, что Дашка — беременна!

Нужно это Вовочке?

Нет!

Боевая мама пошла в атаку. Для начала Вовочке полетели звонки и письма от мамы и друзей, что Дашка загуляла после его отъезда и теперь жаждет повесить на него своего нагулыша. Конечно, когда Даша смогла связаться с любимым мужчиной, тот уже был правильно настроен, замотивирован и Дашу послал так далеко, что, поди, до Африки ближе добраться. Даша разрыдалась, но ехать к любимому было и не на что, и опасно, не то состояние. Аборт делать было уже поздно, все — поздно, оставалось только рожать. Малолетняя идиотка, в лучших романтических традициях, решила: родит и сделает тест на отцовство! И покажет Вовочке, что не изменяла.

О чем тут же и разболтала. И конечно, Нине Викторовне это не понравилось. Вот еще! Какое отцовство? Так еще и алименты присудят, и за мальчиком дурная слава пойдет… И крыса начала просто травить Дашку, делая это легко и изящно. Тут слово, там сплетня, здесь шепоток, и пошло, пошло… то ли он украл, то ли у него украли, но история-то была! А тут еще тяжелая беременность, отеки, токсикоз, нехватка денег и витаминов. Дашу, считай, месяца три до родов в больнице продержали, но там хоть кормили и спокойно было. А вот у Нины Викторовны как раз появилось время всех настроить и завести. Выписалась Даша с дочкой на руках домой — и началось. Шепотки, слухи, сплетни, потом мужики какие-то начали приставать, с неприличными предложениями звонили…

Почему соседи не верили Даше, а вместо этого слушали Нину Викторовну?

А как ей не верить? Она ж такая скромная, богобоязненная, в храм постоянно ходит. Да и проблема у нее какая-то с ногами,

хромает, трость ей требуется, считай — инвалид. И святых через слово поминает, все праздники знает, да разве такая может лгать?

Может. Нагло, подло и глядя в глаза. Но кому это объяснишь?

А сегодня явились трое мужиков, Дашку в углу зажали и то ли денег от нее требовали, то ли еще чего, Костя не понял. Только одежду на девчонке порвали, лапали за все места и, похоже, напугали до смерти. Которая и случилась. Дашке плохо стало, они и сбежали от греха подальше. Далина, которая пришла на место Даши, оказалась для всех интересной неожиданностью. Так бы девушка умерла, малышку сдали в детдом, и все было бы у старой гиены шито-крыто. Но не сложилось и никогда уже не сложится.

Далина погладила темную головку Василисы.

Васёна. У них, на Ардейле, было похожее имя. Валисса. Может, так и называть пока… дочку? Вали? Или лучше сразу вживаться в этот мир?

Василиса, Васёнушка…

«Ничего, детка, пускай твоя мама оказалась слишком слабенькой, так тоже бывает. Теперь рядом с тобой мама Далина, и уж она никому не даст спуска. Родной ребенок у нее, правда, в другом мире, но это дело поправимое. А воспитывать двоих… и что? Тоже мне проблема! И шестерых воспитает! С полком управлялась, солдатами командовала, а тут — струсит? Ха!»

И на миг, на долю секунды глаза Далины вдруг мигнули, залила их словно алая горячая кровь, зрачок вытянулся, и — исчезло все. Сидит девушка, ребенка грудью кормит.

Показалось?

Конечно, показалось…

Ребенок — это хорошо, но и сплетнями сыт не будешь. Первое, что сделала Далина после того, как перепеленала и уложила малышку, это быстро постирала ее пеленки. Костя помогал по мере сил. И воду носил, и грел… без него Далина точно не управилась бы. Руки Даши помнили, конечно, но получалось все неосознанно. Отключишь разум — руки делают: и тазик достали, и кусок жуткого мыла. Опомнишься — и стоишь, думаешь: «Что это я тут делаю?»

Неудобно, конечно.

Потом Костя показал, где у Даши холодильник, и был приглашен на трапезу. М-да… В белом агрегате стояли пакет с белой жидкостью — вроде бы молоко и кастрюлька с чем-то, что Костя назвал «макаронсы». Лежали яйца и какая-то подвявшая зелень. Негусто.

Понятно, что-то кормящей матери просто нельзя, но с такой еды и ноги протянешь!

— Ты говорила, денег нет, почти. — Костя смотрел чуточку виновато.

Далина махнула рукой. Попробовала «макаронс», подумала, что это есть можно, потом руки сами собой достали сковородку, вытряхнули на нее слипшуюся массу, добавили пару яиц, какие-то специи… запахло вкусно. Костя облизнулся и умял половину сковородки. Далина тоже ела с аппетитом. Болтала вроде бы ни о чем, потом опять захныкала малышка, и Далина ушла к себе в комнату.

М-да…

Ситуация.

Конечно, когда ты умеешь готовить, это хорошо, и салатики нарезать всегда возьмут, но есть одно НО! Здоровущее такое! Ребенок называется. Которого не оставишь, которого надо кормить, за которым надо приглядывать, который плачет, пачкает пеленки, требует внимания. Салатики же нельзя нарезать в свободное от ребенка время. И малышу не место там, где готовят пищу. Так что работы Даша лишилась. Хорошо еще, директор оказался порядочным и помог получить все возможные пособия, и деньги ей выплатили, хоть небольшие, но и то помогло. На одежду Даша почти не тратилась, для ребенка ей много чего отдали. Оказывается, в ВК есть специальные группы, Костя рассказал. Да и сама Даша устроилась работать уборщицей в развлекательный центр неподалеку. Туда можно было приходить вечером, после десяти, с малышкой. Костя с ней тоже ходил, помогал немного.

У мальчишки тоже была сложная судьба. Всего тринадцать лет, а жизнь не радовала. Отца нет, мать — то с одним хахалем, то с другим, Костя рос как сорняк. Ну а комнаты почти рядом, поэтому Даша его воспринимала как младшего брата. И Дашина мать его подкармливала и по мере сил помогала. Не бросать же мальчика. Вот и он делал что мог. Разве что те полгода, когда Даша была с Володей, она особо ни о ком не думала, но за это Костя ее не упрекал. Понятно же, первая любовь, Даша-то «как лампочка сияла», по его выражению. В таком состоянии женщины головой не думают.

Далина потерла лоб.

Ладно, на первое время сойдет и так. Точнее на пару дней, за которые ей надо освоиться в этом мире. Тут все странное, непохожее ни на что. Какие-то мо-биль-ны-е, ка-ме-ры (и в них не сидят, ими снимают — что?), те-ле-фи-зо-ры…

На столе стоял небольшой квадратный ящик. Далина коснулась кнопки, и эк-ран зажегся, на нем появились люди, заговорили, задвигались… пусть! Она и так будет изучать этот мир.

А еще…

Следовало проверить свое новое тело.

Далина знала, оно подстроится под душу драконицы, но это когда еще будет? А пока хорошо бы понимать, на что она может рассчитывать.

Итак, приседания, отжимания, растяжка — большего тут не сделать, да и ребенка будить было ни к чему. Очень уж малышка хорошо спала. Дочка… Разве она думала, что так будет? А теперь у нее и дочка, и сын…

Накатили воспоминания о Леонидасе.

«Я не сдамся, Клаус! Слышишь ты — я жива! И я приду за своим сыном!»

И снова глаза девушки залило алым, и медленно, нехотя схлынуло. Но кто это мог видеть? Разве что Василиса, а она точно никому не расскажет. Она пока еще говорить не умеет.

Ночь выдалась реально тяжелой. Далина металась по кровати, горела в полубреду, что-то шептала, кусала пересохшие губы. Температура поднималась до жутких значений, сердце колотилось так, словно она марафон пробежала в полной выкладке. То ее мутило, то она испытывала жуткий голод. Болела, казалось, каждая клеточка ее тела.

Далина кусала подушку, чтобы не орать от боли. Получалось плохо. И начинка эта мерзкая. Что они в подушки засовывают? Такое противное и вонючее?

Это точно не перья и не шерсть!

Костя спал, и малышка спала, а драконица готова была лезть на стену. Понимала, что другого выхода нет, что все правильно…

Любое рождение — это боль.

Для матери, для ребенка…

Она в этом мире новорожденная. У нее новое тело, а вот память крови — старая. Память крови, тень крови… здесь и сейчас у нее человеческое тело, но она же дракон! А это не просто так!

Дракон будет подстраивать под себя организм. Кровь, плоть, магию. Да, копией прежней Далины Ланидир она не станет — не тот рост, не тот вес, но основное… самая ее суть вернется, рано или поздно. И сейчас проходила инициация, первый прорыв… потом будет легче. Да, ее будет накрывать приступами, она это уже сейчас знала. Ее кровь, лимфа, мышцы, нервы — меняться будет все! Все тело!

И это будет жутко больно.

С чем это можно сравнить? Да с той же раковой опухолью, только тут она распространится на весь организм! Меняться будет не часть клеток, а вообще все!